

К ИСТОРИИ ОБЩИНЫ НА БАЛКАНАХ

(Проблемы общины в югославской историографии)

Внимание советских византистов в последние годы привлечено к одной важной теме — к проблеме сохранения семейной общины на территории империи. А. П. Каждан в своей работе о поземельных отношениях в XIII—XIV вв. в общей форме поставил этот вопрос и нашел многочисленные признаки существования этой общины (или большой семьи)¹. Тем самым была отмечена близость, существующая между сербской за другой, являвшейся, по мысли Энгельса, наилучшим образцом семейной общины², и семейным бытом византийского крестьянства. Это сближение славянских и собственно византийских порядков на болгарском материале продолжил Г. Г. Литаврин. Он исследовал состав неразделившейся большой семьи, объединенной общим хозяйством — стасью (στάσις), близ Струмицы в середине XII в.³ При этом Г. Г. Литаврин не ограничился тем, что нашел любопытный образец семейной общины, он обратился также к решению вопроса о формах разложения этой общины. По его мнению, единое хозяйство многих родственников, распавшись на отдельные домохозяйства, образует целую «семью» дворов, поддерживающих между собой тесные связи⁴.

На совершенно другом материале, с помощью актов из византийских областей Южной Италии М. Л. Абрамсон пришла к сходным выводам. Она обнаружила не только частые случаи существования большесемейных коллективов, но и факты распада их на индивидуальные хозяйства. Последние отнюдь не теряют связи друг с другом, сохраняя совместные имущественные права и оставаясь *sortifices, confratres*. При этом М. Л. Абрамсон сделала одно важное наблюдение. Оказалось, что с течением времени, постепенно становясь чуждыми друг другу и допуская в свою среду посторонних, бывшие члены семейной общины утрачивают тесные родственные связи и из *confratres* превращаются в *consortes*. Родственные связи зримо сменяются соседскими⁵. Эту взаимосвязь между большесемейными и соседскими отношениями в должной мере оценил А. П. Каждан, вернувшись к этой проблеме после изучения источников IX—X вв. Он увидел в большесемейной собственности односельчан не только пережиток исчезающего родового строя, но и залог единства сельской общины, обуславливающей ее прочность и устойчивость⁶. Таким образом, вопрос о сохранении большесемейных связей в византийской деревне стал составной частью другой, более значимой проблемы — проблемы своеобразия и исторических судеб византийской общины⁷.

Облик семейной общины на территории империи воссоздан еще далеко не полностью, не до конца выяснена взаимосвязь между сельской общиной и большой семьей, входящей в ее состав. Так, еще предстоит понять характер имущественных связей, которые сохраняют между собой разделившиеся родственники, решить, какая семья приходит на смену большой, иными словами, не рождается ли новая большая семья на развалинах старой? Но важнее всего, на наш взгляд, установить влияние большесемейных отношений на устойчивость сельской общины. По мысли А. П. Каждана, наиболее отчетливо изложившего свою точку зрения, роль этих отношений сводилась к ограничению аллодиальной собственности и тем самым к усилению верховной собственности всей общины на пахотный надел крестьянина⁸. Никакого другого воздействия на устойчивость сельской общины большая семья, по мнению Каждана, не оказывала. Другую важную черту сельской общины в Византии — наличие прав на чужую землю — он рассматривает не в связи с сохранением домашней (семейной) общины, а параллельно с нею.

¹ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 74—76.

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1952, стр. 59.

³ Г. Г. Литаврин. Крестьянство Западной и Юго-Западной Болгарии в XI—XII вв. «Уз Ин-та славяноведения АН СССР», т. XIV, 1956, стр. 230.

⁴ Там же, стр. 231.

⁵ М. Л. Абрамсон. Крестьянство в византийских областях Южной Италии. ВВ, VII, 1953, стр. 166—168.

⁶ А. П. Каждан. Византийская община в IX—X вв. «Уз Великолуцкого пед. ин-та», вып. 2, 1956, стр. 83—84; е го же. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—X вв. ВВ, X, 1956, стр. 50—51; е го же. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 32—35.

⁷ См. длительную и плодотворную полемику по этому поводу на страницах «Византийского временника» (т. X — статьи М. Я. Сюзюмова и А. П. Каждана) и «Вопросов истории» (1958, № 10; 1959, № 3; 1960, № 2 — статьи З. В. Удальцовой и А. П. Каждана, М. Я. Сюзюмова и Д. Ангелова).

⁸ А. П. Каждан. Византийская община. . . , стр. 83—84; е го же. К вопросу об особенностях. . . , стр. 50—51; е го же. Деревня и город в Византии. . . , стр. 54—55.

Слов нет, А. П. Каждан, безусловно, прав, когда считает, что система прав на чужую землю коренится в конечном счете (разрядка моя. — М. Ф.) в рутинности сельскохозяйственной техники⁹. Но вопрос заключается в том, не вела ли застойность земледельческой техники, когда малая семья оказывалась не в состоянии справиться с землей, в начале к консервации большесемейных связей и лишь в последствии и к возникновению прав на чужую землю. Иными словами, не была ли роль родственных связей в византийской деревне гораздо большей, чем это принято считать ныне, не определяли ли эти связи всю остальную специфику этой деревни (общины), в том числе и ее устойчивость? Так, мне кажется, необходимо поставить эту проблему.

Как было отмечено выше, исследователи ставят прочность византийской общины в непосредственную связь со славянским влиянием¹⁰. Эта связь византийской общинной организации со славянским миром подсказывает то направление, в котором следует искать ответа на поставленные вопросы. Дело в том, что скудость источников по истории поземельных отношений в раннее средневековье неизбежно заставляет обратиться к сравнительному изучению Византии и соседних славянских обществ. При этом возникает необходимость не только привлекать византийские источники для реконструкции южнославянской истории, как это делается сейчас, но и, наоборот, воссоздавать общественные отношения в империи по аналогии со славянскими порядками. Такой сравнительный анализ по отношению к общине ныне стал просто неизбежен. Применительно к Болгарии он уже начат¹¹, сербские же памятники раннего средневековья создавались под сильным византийским влиянием¹² и поэтому представляют меньший интерес. Наибольшей ценностью здесь обладает материал по истории Хорватии.

Югославские медиевисты в последнее время пристально изучали развитие южнославянской общины. Об этом свидетельствует ряд их работ, специально посвященных общинным институтам в хорватской деревне. Такова работа профессора Загребского университета Олега Мандича о так называемом «братстве» в Хорватии раннего средневековья¹³, книга покойного Михи Барады «Древнехорватская сельская община»¹⁴ и статья белградского исследователя Ивана Божича о верви в Полице и общине в области Паштровичах¹⁵. Для византистов эти работы представляют особый интерес, во-первых, потому, что они заполняют пробел в наших представлениях о славянской общине на Балканах именно в раннее средневековье, т. е. в тот период, который привлекает наибольшее внимание византистов, изучающих общину; во-вторых, эти исследования относятся не ко всей Хорватии, которая в общем далека от границ империи, а к ее приморской части, к так называемой Далматинской Хорватии, т. е. к тому району, который до XI в. входил в состав Византии. Таким образом, история поземельных отношений в Далмации в X—XI вв. — это в конечном счете история одной из византийских областей. Исходя из всех этих соображений и стремясь найти ответ на вопросы, касающиеся славяно-византийской общины, мы решили обратиться к критическому разбору тех работ югославских историков, о которых только что шла речь.

О. Мандич начинает свою работу о братстве с указания на трудности, ожидающие исследователя, изучающего общинные отношения у южных славян в раннее средневековье. Историк встретится здесь с латинской терминологией, искажающей суть общественных явлений, он должен будет преодолеть влияние буржуазной идеологии, находящей свое отражение в так называемой «племенной теории» (стр. 226—229). Буржуазные ученые, как известно, подводили под понятие «племенные отношения» все многообразие родовых, семейных и общинных связей. Однако даже они не могли не заметить существования еще одного круга родственников, более широкого, чем задруга, но менее широкого, чем племя. Это — братство. Ни в одном прежнем исследовании нельзя найти сколько-нибудь удовлетворительного и полного решения вопроса о братстве. Оно определялось сбивчиво и путано, — то как род (Т. Смичиклас, В. Мажуранич), то как совокупность задруг (Ф. Шишич), а чаще всего оставалось вообще без характеристики (стр. 231—248). Анализ института братства связан прежде всего с пересмотром вопроса о задруге.

⁹ А. П. Каждан. К вопросу об особенностях. . . , стр. 53.

¹⁰ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. ВС, стр. 135—143.

¹¹ Показателен самый факт появления книги Г. Г. Литаврина «Болгария и Византия в XI—XII вв.». М., 1960.

¹² О воздействии византийского права на первые законодательные памятники у сербов см. Б. Сп. Радочич. Српски законик из првих година после Велике сеобе. «Летопис српске матице», јул, 1959. Нови Сад, кн. 384, св. 1, стр. 59—64.

¹³ О. Мандич. Bratstvo u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj. HZ, god. V, 1952, str. 225—298.

¹⁴ М. Варада. Starohrvatska seoska zajednica. Zagreb, 1957.

¹⁵ И. Божич. «Врвь» у Пољичком статусу. «Зборник филозофског факултета», књ. IV, № 1. Београд, 1957. стр. 89—112; его же. Средьовековни Паштровичи. «Историски часопис», год. IX—X. Београд, 1960, стр. 159—185.

Еще в своих предыдущих работах О. Мандич касался отдельных особенностей задруги, отмечал ее демократический характер и близость к первобытной общине. Одной из черт, сближающих последнюю с задругой, является, по мысли О. Мандича, общность производственных интересов, позволяющих задруге существовать и в рассеянном виде¹⁶⁻¹⁷. Он наметил и отличие задруги от патриархальной («отповской») семьи, выражающееся в отсутствии власти отца над домочадцами, в том, что должность «домачина», как правило, является выборной и зачастую находится в руках даже не самого старшего родственника. В работе о братстве О. Мандич выступает с критикой взглядов Ф. Рачного, считавшего большую семью основой общественных отношений в Приморской Хорватии. Между тем, по убеждению О. Мандича, в Далмации в конце раннего средневековья земля была уже разделена в частную собственность и лишь кое-где (разрядка моя. — М. Ф.) сохранялось право коллективного распоряжения имуществом в форме согласия родственников на отчуждение земли. Нигде, продолжает Мандич, а тем более вокруг городов с их развитыми денежными отношениями, семейная община не является в это время основой жизни общества (стр. 261—262). О. Мандич не отказывается видеть задругу в районах с отсталыми отношениями или в более позднее время. Так, он признает существование большой семьи в Винодольском законе (ст. 67) и в Полищком статуте (ст. 33), но он настойчиво оговаривает, что большесемейные порядки сохраняются лишь на окраинах Хорватского государства, в горных или болотистых областях с неразвитыми общественными отношениями. В остальной же части Далматинской Хорватии вокруг городов большая семья исчезает уже в XI в. под влиянием торговли и денежного хозяйства. Если же в этих районах и сохраняются группы живущих вместе родственников, то они не ведут совместного хозяйства и не могут считаться задругами (стр. 257—260, 262—263).

Такие группы родственников, не связанных коллективным производством, по мнению О. Мандича, являются братствами. Он полагает, что братство скрывается в источниках за целым комплексом сходных выражений — *generatio, genus, tribus, parentes, parentella*, — и устанавливает даже последовательность смены этих понятий. То, что в IX в. называлось *generatio*, в XI в. именуется *genus*, в XII в. выступает под именем *parentella*, а в XIII в. получает название *tribus*. Однако родственные узы соединяют членов братства лишь внешним образом. Гораздо более прочной и глубокой является в братстве связь по земле. Здесь О. Мандич отчетливо формулирует тот вывод, на котором в свое время настаивал Ф. Рачки¹⁸ и который Мандич подтверждает всем ходом своего исследования. Братства в Хорватии X—XI вв. уже прочно осели на земле, родственные связи внутри них уступили место соседским, территориальным, и братства превратились в сельские общины (стр. 274). Обосновав этот тезис, О. Мандич кладет конец той разногласице мнений, которая считала *genus, tribus, generatio* различными и почти не связанными между собой элементами общественной структуры Хорватии, покоящимися то на родо-племенных, то на поземельных основах¹⁹. Этот вывод позволяет правильно оценить братство не как элемент родового строя (как полагали сторонники «племенной теории»), а в качестве составной части развитого классового общества, как естественный результат процесса классового образования.

Не все убеждает в равной мере в работе О. Мандича. Так, в ней обнаруживается повышенный интерес автора к проблеме «племени»²⁰. Это вполне естественно, ибо хорватская историография слишком долго развивалась в русле «племенной теории», когда основной ячейкой средневекового общества у хорватов считалась не сельская община и не феодальная поместье, а «племя». Выводы О. Мандича можно считать ответной реакцией на эту теорию, их можно объяснить стремлением найти новые точки зрения при подходе к проблеме общины. Но, по-новому охарактеризовав братство, увидев в нем важное звено общинных отношений, О. Мандич в то же время переоценил его значение. Он увидел в нем не только пережиток исчезающих отношений, не одну лишь организацию свободного крестьянства, но и центральный организм общественных отношений вообще. Так, О. Мандич не отрицает возможности влияния процесса классового образования на братства. Это воздействие дифференцирует братства: одни из них поднимаются до положения привилегированных носителей феодальной эксплуатации, а другие отесняются от управления. Здесь автор отмечает известную закономерность. Привилегированными оказываются братства в приморской, более развитой части страны вблизи городов, отсталыми — на ее окраинах. Это различие даже перерастает в антагонизм, сыгравший свою роль в социальных противоречиях эпохи. Борьба латинского и «гла-

¹⁶⁻¹⁷ O. M a n d i ć. O nacrtu razvojnih stepena u prvobitnoj zajednici. HZ, god. I, 1948, str. 397.

¹⁸ F. R a č k i. Nutarnje stanje Hrvatske prije XII stoljeća. Rad, knj. 99, str. 113.

¹⁹ T. S m i ć i k l a s. Povijest Hrvatska, I. Zagreb, 1879, str. 133 f.; F. Š i š i ć. Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara, I. Zagreb, 1925, str. 657 f.

²⁰ Этот интерес обнаруживается и в позднейшей работе Мандича о дворянстве так называемых «12 племен». См. O. M a n d i ć. «Pacta conventa» i «dvanaest» hrvatskih bratstava. HZ, god. XI—XII, 1960, str. 165—206.

голического» (т. е. защищающего богослужение на славянском языке) направлений в церкви есть, по О. Мандичу, идеологический отзвук борьбы между братствами различных типов (стр. 292—295). Нетрудно заметить, что подобный вывод призван заметить идею о борьбе между племенами в Хорватии XI в.

Таким образом, ту роль, которая раньше отводилась племенам, Мандич отводит братствам. Разумеется, братства в представлении Мандича коренным образом отличаются от того, что понимали под племенами сторонники «племенной теории», отрицавшие развитие феодализма в Хорватии²¹. О. Мандич признает существование феодальной эксплуатации в хорватском обществе, он видит, как отдельные братства превращаются в носителей этой эксплуатации. Но — и в этом известная ограниченность его концепции — он считает, что братства выступали преимущественно в роли объединителей дворянства — либо привилегированного (в приморской части страны), либо оттесненного от власти и доходов (в отсталых районах). Роль братств как сельских общин, объединяющих рядовое свободное крестьянство, показана О. Мандичем менее ясно.

Второй упрек, который можно предъявить работе Мандича, касается вывода об исчезновении задруг уже в XI в. Идея братства у него упорно противопоставляется понятию задруги. Признавая повсеместное распространение братства, автор в то же время заметно сужает сферу распространения семейной общины. В ряде случаев его взгляды убедительны — например, когда он видит в родственниках, совместно сражающихся в бою, не семейные общины, а братства: малочисленные задруги, действительно, вряд ли могли образовывать боеспособные воинские группы. Безусловно прав О. Мандич, отказываясь видеть в большой семье образующую клеточку хорватского средневекового общества, основу общественных отношений, как полагал Ф. Рачки. Ясно, что в основе общественных отношений феодального общества лежит не большая семья, а сельская община. Однако когда О. Мандич обращается к свидетельствам о купле-продаже земли, находит в них многочисленные примеры не только совместного распоряжения, но и коллективного использования этой земли, а затем делает неожиданный вывод об исчезновении задруг, основанных на коллективной собственности на землю, то это не может не удивить. Действительно, источники XI в. дают много примеров не только продажи недвижимости, обусловленной согласием родственников (в таком случае естественно допустить существование лишь совместных прав на землю), но и совместной продажи родственниками, выступающими единой семьей. В последнем случае есть основания полагать, что такая семья ведет и совместное хозяйство. Сам О. Мандич приводит достаточно солидный (хоть и далеко не полный) список таких примеров коллективной собственности как раз из окрестностей крупных далматинских городов — Задара, Сплита и др. (стр. 258—259), по существу подрывающий его вывод о массовом исчезновении задруг под влиянием городского хозяйства. И все же О. Мандич считает необходимым настаивать на своем тезисе об исчезновении семейных общин и изживании коллективной собственности на землю. Разумеется, это не может убедить читателя.

Тем не менее даже с учетом этих спорных положений нельзя не оценить важности проделанного О. Мандичем исследования и его основного вывода о братстве. В братстве О. Мандич увидел общинный организм, сохраняющий в своем составе дальних родственников и являющийся, таким образом, носителем пережиточных элементов родового строя, но в то же время основанный на поземельных связях, как и всякая сельская община. Эта мысль мне кажется весьма плодотворной. Она не только дает возможность решить вопрос, в какой форме происходит сочетание родственных и поземельных отношений в средневековой хорватской деревне, но и позволяет связать свидетельства письменных памятников с этнографическими данными. Именно братство подвергается сейчас наиболее активному этнографическому исследованию со стороны югославских ученых²², и полученные здесь выводы могут помочь воссоздать характер средневековых общин. Отметив это обстоятельство с тем, чтобы вернуться к нему еще раз, мы обратимся к работам других исследователей.

Проблема братства решается югославскими медиевистами не только в общем, но и в локальном плане. Таково, в частности, исследование И. Божича, посвященное общине в районе Паштровичей²³. История Паштровичей, небольшой области в сербской Далмации, расположенной к югу от г. Будвы и к западу от Скадарского озера, восходит к XIII в. В начале XV в. община Паштровичей, признав суверенитет Венецианской республики, сумела отстоять свою автономию, сохранить самоуправление, свободу от налогов и некоторые другие вольности. Автономия помогла жителям этой небольшой области сохранить неизменными свои правовые и административные порядки в течение нескольких столетий и в известной мере способствовала консервации ее внутреннего

²¹ V. Klaić. Hrvatska plemena od XII do XVI stoljeća. Rad, knj. 130.

²² Š Kulišić. O postanku i karakteru našeg «bratstva». «Pregled». Sarajevo, 1957, № 2—3, str. 133—138; его же. Arhaično bratstvo u Crnoj Gori i Hercegovini. «Glasnik zemaljskog muzeja», sv. XII (Ethnologija). Sarajevo, 1957.

²³ И. Б о ж и ћ. Средьовековни Паштровићи.

уклада. В частности, здесь долго сохраняется деление на «племена» и «братства», явный признак архаических общинных отношений. Длительное существование этих отношений в Паштровичах привлекло к ним внимание как этнографов²⁴, так и историков²⁵. Обращаясь к этой теме, И. Божич ставит перед собой задачу выяснить, в какого типа общины объединены жители Паштровичей, но прежде ему необходимо установить, о каких социальных прослойках должна идти речь. Дело в том, что свобода от податей и собственное управление, закрепленное за паштровичами по договору 1423 г. с Венецией, дали им основание рассматривать себя в качестве дворян — «племячей», и многочисленные документы XV—XVII вв. полны упоминаний об их дворянском статусе. Действительно ли паштровичи являлись дворянами или за этим наименованием скрывается иное содержание? Не вдаваясь в подробную оценку анализа, произведенного И. Божичем, отметим сразу, что ему удалось правильно понять природу паштровичских племячей. Он увидел в них крестьян-хлебопашцев, самих обрабатывающих свои земли, наследственных владельцев этих земель и участников сельских сходок (стр. 174). В социальном облике большинства из них не было ничего дворянского, их «дворянское» состояние являлось лишь результатом привилегий, полученных по договору с Венецией, в том числе и права на выборы собственных старост и судей. Те крестьянские семьи, которые сохранили за собой это право, считались племячами, «даже если они в лаптях обрабатывали свой кусок земли» (стр. 177). Очевидно, здесь перед нами характерный пример того, как свобода, унаследованная от далеких времен общинного строя, превратилась в характеристику привилегированного состояния²⁶. Разумеется, паштровичи знали и подлинное социальное расслоение, некоторые из них поднялись до положения настоящих дворян, в то время как основная масса осталась рядовыми общинниками. Но даже эти феодальные роды, владевшие зависимыми крестьянами — кметами, относились лишь к мелкому дворянству («ситна властела»), очень близкому к свободным общинникам. Таким образом, даже объединения шляхты являлись не столько феодальными корпорациями, сколько видоизмененными крестьянскими коллективами, построенными на общинных основах. Такими коллективами в средневековых Паштровичах и были «племена». Не все понятно в характеристике этих племен по документам XV—XVII вв., но совершенно ясны две вещи. Во-первых, материальной основой племени может быть собственность на землю, а во-вторых, каждое племя — это коллектив, членов которого объединяет если не действительная, то идеальная родственная связь — происхождение от общего предка. Таким образом, паштровичское племя выступает в качестве еще одного общинного звена на территории Далмации, параллельно с найденным О. Мандичем братством, в качестве звена, объединяющего людей и по родственному, и по поземельному признаку. По существу «братство», изученное Мандичем в широком плане, и «племя», обследованное Божичем на локальном паштровичском материале, представляют различные формы одного и того же общинного организма.

Сходство братства и племени может быть подтверждено еще одним любопытным образом. Оказывается, на территории Паштровичей, знающих в XV в. только «племя», впоследствии появляются еще и «братство», и оба этих объединения становятся двумя ступенями одной и той же линии общинного развития. Этнографический материал, собранный в Паштровичах современным югославским исследователем Й. Вукмановичем, показывает, что «племя», дожившее до наших дней в этой области, представляет общину, состоящую из одного или нескольких сел, окруженных кольцом заселков, и в течение столетий (вплоть до середины XIX в.) располагавшую собственной землей и неподеленными общинными угодьями²⁷. Таким образом, племя не совпадает с селом и не является чисто территориальной организацией. Каждое племя состоит из нескольких братств, и этот последний коллектив представляет самую оригинальную и наиболее выразительную ячейку паштровичской общинной организации. Братство возникает посредством раздела общего имущества родных братьев, из числа их разномысливших потомков. Члены братства группируют свои дома и земли и нередко составляют обособленную часть села; они рассматривают себя как кровных родственников и не заключают браков друг с другом. Число членов братств постепенно растет. Й. Вукманович находит, что каждое племя — это не что иное, как разросшееся братство (стр. 242).

Таким образом, и братство, и племя, восходящие генетически к временам раннего средневековья, проявляют исключительную устойчивость и доживают до наших дней. Разумеется, следует ожидать серьезного перерождения и того, и другого организма за такой продолжительный срок. Но, как мы можем заметить, это перерождение

²⁴ Й. Вукмановић. Паштровићи. Антропологеографско-етнолошка испитивања. Цетиње, 1960.

²⁵ А. Солдовје. Сельски-племићи у историји југославенског права. «Архив за правне и друштвене науке», књ. 31. Београд, 1935, стр. 454—465.

²⁶ А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Европе VI—VIII вв. М., 1956, стр. 256.

²⁷ Й. Вукмановић. Паштровићи, стр. 360.

не уничтожило основного качества племени и братства; их члены объединены не только кровнородственными, но и земельными узами. Кажется, есть основание предполагать, что сочетание тех и других связей в рамках определенного вида общины, вне зависимости от того, как эта община называется — «племенем» или «братством», является устойчивой особенностью сельской жизни в средневековой Далмации.

Чтобы проверить правильность этого наблюдения, обратимся к характеристике других общинных коллективов в Далматинской Хорватии. История сельской жизни на этом побережье знает еще один институт, происхождение которого ведет нас к раннему средневековью. Это — вервь, учреждение, неоднократно привлекавшее к себе внимание историков. Длительная полемика по этому поводу в отечественной и югославской историографии²⁸ лишь усугубляет наш интерес к данной проблеме.

Известно мнение Б. Д. Грекова, который считал вервь на Руси XI—XII вв. и в Полице XV—XVII вв. не объединением родственников, а территориальным коллективом в составе деревни²⁹. По мысли Б. Д. Грекова, вервь — это часть села, в которой живут люди, объединенные соседскими интересами и ведущие хозяйство на жеребьях, отмеренных «вервью» — веревкой. Свою работу о полицкой верви И. Божич³⁰ посвящает критике этого взгляда Б. Д. Грекова. Следует отметить, что И. Божич располагает более обширными источниками, чем те, которыми пользовался Греков для суждения о верви: он привлекает к своей работе, помимо Полицкого статута, и другие исторические источники, дополняя их важными этнографическими свидетельствами Фр. Иваншевича, обследовавшего Полицу в конце XIX — начале XX в.³¹ Опираясь на эти данные, И. Божич отмечает ряд неточностей в работе Б. Д. Грекова. Так, он обращает внимание на не совсем совершенный перевод на русский язык известной статьи 59а («Закон о разделе леса. . .»), давший основания Б. Д. Грекову считать вервь к о л л е к т и в о м, в то время как по смыслу этой статьи (к слову сказате, достаточно туманной) вервь — это п о р я д о к р а с п р е д е л е н и я земли по линии наследования, что в другом месте признает и сам Греков³² (стр. 93). И. Божичу удается, на наш взгляд, убедительно доказать, что посторонние почти не могли проникнуть в состав верви, как это полагал Б. Д. Греков. Полица строго оберегала свои земли от чужаков, и пришлые люди могли получить доступ к общинным землям только на положении кметов (стр. 96—98). Критические замечания в адрес Грекова Божич сопровождает рядом интересных наблюдений. Так, судя по данным конца XIX в., многие члены задруг оставались неженатыми, чтобы помешать дроблению земли (стр. 96). Среди «вервных братьев» часто существовало значительное расслоение: одни «братья» превращали других в кметов (стр. 101). Любопытен порядок раздела семейных общин в Полице, доживший до конца XIX в. и почти полностью повторяющий то, что засвидетельствовано памятниками XVI в.³³: земля делится по числу малых семей, возникших внутри задруги³⁴, а движимое имущество — по числу душ (мужских) (стр. 95).

Но, выдвигая взамен критикуемых им взглядов Б. Д. Грекова свою концепцию развития верви, И. Божич впадает в односторонность. Он убежден, что буквальный этимологический смысл слова «вервь» — «веревка», лат. *funis, funiculus, linea* — воплощается в понятии *linea sanguinis* — линия родства. Этим выражением И. Божич обозначает связь, порожденную происхождением от общего предка. Под это определение автор подводит все случаи упоминания верви в документах эпохи. Между тем стоит лишь внимательнее заглянуть даже не во все акты, а лишь в Полицкий статут, чтобы обнаружить и другой смысл понятия «вервь», ушно игнорируемый И. Божичем. Так, «вервные братья» в ст. 62 выступают как коллектив, который с помощью верви — обычной веревки — делит между собой вервную племенщину. Вервь здесь является не выражением абстрактного родства, а простым орудием раздела. Еще более характерна статья 59а, где «вервь» и «доля племенщины» упоминаются рядом («врвь и дио од пле-

²⁸ О взглядах А. Я. Ефименко, Г. Ф. Блюменфельда, Ф. Леонтовича, М. Ф. Владимирского-Буданова см. Б. Д. Греков, Полица. М., 1951, стр. 66—67. По поводу мнений югославских историков относительно верви см. О. М а н д и ć. Prilozi pitanju seoske općine, bratstva i vrvi. HZ, god. X, 1957, str. 183—188.

²⁹ Б. Д. Греков, Полица, стр. 94; е г о ж е. Большая семья и вервь Русской Правды и Полицкого статута. ВИ, 1951, № 8, стр. 37.

³⁰ И. Б о ж и ч. «Врвь» у Полицком статуту, стр. 89—112.

³¹ Fr. J v a n i š e v i ć. Poljica, narodni život i običaji. «Zbornik za narodni život i običaji Južnih Slovena». Zagreb, VIII, 2, 1903; IX, 1—2, 1904.

³² Б. Д. Греков, Полица, стр. 73.

³³ См. ст. 26 Новиградского сборника 1551 г., где сказано, что все движимое имущество делится «по головам» и при этом с учетом возраста. Текст Новиградского сборника с переводом на сербо-хорватский язык см. М. В а г а д а. Op. cit., str. 149—177.

³⁴ В этнографической литературе такой способ раздела носит название раздела per stirpes, т. е. поколенного. См. М. О. К о с в е н. Семейная община. СЭ, 1948, № 3, стр. 11.

менщине»), как бы поясняя друг друга и свидетельствуя о близости понятия «вервь» к разделу наследственной земли поличанина. Речь может идти только об одном разделе — о разделе земли между членами семейной общины. Таким образом, понятие «вервь» воплощает в себе не только и не столько представление о родственной связи (в форме памяти о происхождении от общего предка), сколько представление о разделе земли между родственниками. Вервь — это символ не только родственных связей, как полагает И. Божич, но и связей, возникающих в результате поземельного раздела.

Именно значение поземельных связей И. Божич весьма пренебрежительно, стремясь опровергнуть идею Б. Д. Грекова о верви как о территориальной общине. При этом он вступает в открытое противоречие с источниками. Так, «Закон о водяных мельницах» Полицкого статута (ст. 80а) гласит, что вервные братья могут не разрешить одному из них возвести мельницу. Статья не говорит, какой земли касается это правило, но можно догадаться, что речь идет о земле, оставшейся неподеленной между вервными братьями: «другие долишки. . . заявляют, что [здесь] есть и их доля. . .»³⁵. Характерно выражение «долишки» — «дионики»³⁶, но еще более показательно, что эти вервные братья оказываются связанными собственностью на общую землю. Не будучи в состоянии отрицать наличие общих поземельных интересов среди вервных братьев, засвидетельствованных в этой статье, И. Божич неожиданно заявляет, что в ней идет речь не о вервном, а о большесемейном коллективе, о задруге. Никакими доказательствами он не подкрепляет этого утверждения, кроме фразы, что ему-де «трудно представить, чтобы у разделившихся членов задруги могла оставаться какая-то неподеленная собственность» (стр. 105). Выразительно сказано! Как мы надеемся показать в дальнейшем, это заявление свидетельствует о недооценке известной специфики в процессе раздела семейных общин.

Пока же можно констатировать, что И. Божичу не удалось опровергнуть тезиса Б. Д. Грекова о поземельных связях между вервными братьями, продолжающих существовать и после раздела племенщины — пахотной земли. Правда, справедливости ради нужно отметить, что Б. Д. Греков тоже проявил известную осторожность, отказавшись видеть в полицкой верви кровнородственные связи. Нельзя отрицать того, что выражение «вервные братья» имеет смысл совершенно определенного родственного обозначения [см. яркое определение нисходящих степеней родства в статье 36 а-с — братья родные («присные»), не родные («не прем присные») и «ближние, или вервные»]. Б. Д. Греков, заключая работу о Полице, все-таки признал, что вервь могла объединять родственников, которые при помощи веревки разделили свои пашни на жеребья, после чего родственные коллективы превратились в коллектив отдельных хозяев, объединенных в соседской общине³⁷. Однако он относил эту характеристику исключительно к русской, но не к полицкой, хорватской верви. Таким образом, он не сделал нужных выводов из своих правильных наблюдений о характере верви как о территориальной общине в составе села, тем самым лишив себя возможности правильно судить о происхождении верви. Но как бы то ни было, он оказался ближе И. Божича к пониманию верви как коллектива, объединяемого территориальными интересами.

Характерно, что И. Божич, отвергая этот вывод, понал в ложное положение: материал по истории Полицы, собранный им же самим, вынудил его признать существование поземельных коллективов, объединенных вервной связью. Таким коллективом оказалось «племя», община, составленная из нескольких домохозяйств, родственных друг другу. Впрочем, И. Божич признает, что линия родства связывает членов «племени» лишь внешним образом и подлинной связью здесь является общая собственность на луга и сенокосы. Таким образом, по характеру внутренних отношений «племя» является типичной территориальной общиной. Все это дает И. Божичу веские основания сближать полицкое «племя», существовавшее еще в конце XIX в., с черногорским «братством» (стр. 106—109). Как мы имели возможность убедиться, И. Вукманович, изучая братство в Паштровичах на черногорском побережье, пришел к выводу, что оно составляет отдельную, нередко обособленную часть села (см. выше, стр. 202). Аналогично этому И. Божич отмечает, что каждое «племя» в Полице еще на рубеже XIX и XX вв. занимало свой конец села, называемый «комшилку» (т. е. «соседство») или «малца»³⁸. Чего же больше? Мнение Б. Д. Грекова о верви как территориальной единицы в составе села находится в исследовании И. Божича новое подтверждение. Может быть, этот коллектив, эту территориальную единицу и не следует именовать вервью, ибо «вервь» в Полицком статуте — это средство раздела, порядок наследования, но отнюдь не группа людей; в этом отношении критика Божича справедлива. Но гораздо важнее то, что И. Божич,

³⁵ «Ини кои дионици. . . оповидаю, да е иним дио. . .»

³⁶ Б. Д. Греков не совсем точно переводит «другие члены» («Полица», стр. 271).

³⁷ Б. Д. Греков, Полица, стр. 205.

³⁸ Как сообщает И. Божич, последний термин происходит от турецкого «махала» и находит любопытную аналогию в албанском братстве «mahallé» (стр. 108, прим. 56). О «mahallé» (или «tehallé») см. в интересной работе: С. И с л я м и. Семейная община албанцев в период ее распада. СЭ, 1952, № 3, стр. 127 и сл.

по существу идя вслед за Б. Д. Грековым, признает в вервном коллективе наличие не только родственных, но и п о з е м е л ь н ы х связей. Более того, изыскания И. Божича позволяют судить и о происхождении вервного коллектива. Теперь уже несомненно, что он возникает в результате раздела общей собственности.

В современной югославской историографии была предпринята еще одна попытка истолковать средневековые свидетельства о семье, общине и верви. В своей последней работе «Древнехорватская сельская община»³⁹ М. Барада свел воедино все сведения, почерпнутые из Полицкого статута, Новиградского сборника (середины XVI в.) и актов на хорватском языке того же времени. Этот отбор материала, отказ от использования более ранних документов, написанных по-латыни, становится ясен читателю: М. Барада исходит из убеждения, что реконструировать историю сельских институтов можно только на основе анализа грамот, отражающих народную терминологию. Нужно отдать должное М. Бараде: его работа написана с большим знанием источников, он не оставляет без внимания ни одной стороны сельской жизни. Анализу подвергаются все виды имущественных отношений внутри деревни и между членами семейной общины, подробно характеризуются все упоминаемые в источниках хозяйственные угодья — усадьба, сад, пашня, леса, воды, дороги. Работу не отличает четкая постановка проблемы, тем не менее легко заметить, что автор ставит перед собой задачу восстановить облик не столько семейной, сколько сельской общины (*seoska zajednica*). Поэтому он начинает свое исследование с того, что полностью приводит текст двух статей Полицкого статута (56 и 59), которые наиболее ярко фиксируют существование в деревне общинной собственности на леса и пастбища. Эти общинные угодья являются, по мысли М. Барады, одной из трех основных категорий землевладения в деревне. Двумя другими являются так называемая «племенщина» (пашня) и приусадебная земля с садом и постройками, лежащая в основе семейно-хозяйственного коллектива, названного М. Барадой «родственно-подворной общиной» (*rodbinska-dvorna zajednica*). Вся работа М. Барады и посвящена характеристике двух последних хозяйственных типов — «племенщины» и «родственно-подворной общины», причем основное внимание уделяется последней. Если сельская община дала название книге М. Барады, то идея «родственно-подворной общины» явилась ее теоретическим стержнем. Какой же смысл вкладывает автор в вводимое им новое понятие?

М. Барада не скрывает того, что новым является только название. Его не устраивают прежние понятия «домашняя» или «семейная община», которыми раньше обозначался этот коллектив, потому что они характеризуют, по мнению М. Барады, лишь одну сторону связей в большой семье. Понятие же «родственно-подворная община» покрывает и родственные, и хозяйственные связи — в этом, как считает автор, его преимущество. Таким образом, М. Барада предлагает новый термин взамен укоренившегося в югославянской историографии слова «задруга»⁴⁰. Он делает это, стремясь подчеркнуть не столько семейные, кровные основы домашней общины, отныне называемой по-новому, сколько ее производственные основы, коренящиеся в общей собственности на землю. Следует признать, что в данном случае М. Барада правильно подходит к решению проблемы семейной общины.

По мысли М. Барады, элемент коллективизма в хорватской деревне воплощается не только в общей собственности на приусадебный участок, сад и двор, лежащие в основе «родственно-подворной общины», но и в общей собственности всего села на пахотную землю — «племенщину». Да, именно так: пахотная земля и в XV в. находится не в частной собственности отдельных домохозяйств, а в индивидуальном пользовании (разрядка моя. — М. Ф.). Этот вывод М. Барада настойчиво повторяет на протяжении всей работы, делая его основным тезисом. Но в то же время М. Барада понимает, что вступает в противоречия с источниками: Полицкий статут и грамоты XV в. дают много примеров того, что племенщина является типичным аллодом. Чтобы сгладить это противоречие, М. Барада предлагает рассматривать племенщину двояко — «в широком смысле», в качестве полной собственности, но только на приусадебную землю, и в «узком смысле», как индивидуальное пользование на пашню. Иными словами, М. Барада под напором фактов вынужден признать существование аллода, однако, пользуясь неясностью источников, он признает его лишь по отношению к приусадебному участку. Это, разумеется, ничего не объясняет и, прежде всего, оставляет открытым вопрос о том, почему в далматинской деревне до XV в. не возникает частной собственности на пахотную землю. Эта проблема даже не ставится в работе М. Барады.

Характерно, что взгляды автора отличаются известной последовательностью. Он настаивает на сохранении коллективных начал не только внутри «родственно-

³⁹ М. В а р а д а. *Op. cit.*

⁴⁰ Характерно, что М. Барада отвергает понятие «задруга» еще и потому, что оно, по его мнению, обозначает соединение нескольких семей (стр. 19). Нетрудно обнаружить в этом мнении отзвуки старого представления о большой семье как о механическом соединении малых.

подворной общины» — большой семьи, но и в гораздо более широких пределах, в рамках сельской общины. Последняя, по его мнению, и обладает правом собственности (он называет его «идеальным правом») на все земли в общине. Эта точка зрения М. Барады, несомненно, является ответом на возникшие в последние годы представления о быстром изживании коллективных отношений в далматинской семейной общине уже в раннее средневековье. Отражением этих представлений является концепция О. Мандича, изложенная в его «Братстве». Но следует ли согласиться с мнением М. Барады о столь длительном сохранении коллективных начал, к тому же выраженном в такой решительной форме?

Право на пахню у хорватского крестьянина, в частности в районе Полицы, было, безусловно, ограничено верховной собственностью сельской общины⁴¹. Выражение этих ограничений мы видим в статье 49а Полицкого статута, регулирующей порядок использования наследственных земель. Но речь здесь может идти не об отсутствии аллода, а лишь о его ограничении. Полагать иначе — значит считать, что хорватская деревня в районе Полицы в XV в. представляла собой не сельскую, а земледельческую общину, т. е. ту общину, которую крестьянство и на западе, и на востоке Европы миновало в своем развитии уже к IX в.⁴² К тому же нельзя утверждать, как это делает М. Барада, что индивидуальное землепользование настолько тесно и неразрывно связано с существованием сельской общины, что с исчезновением первого исчезает и сама сельская община (стр. 37). Ведь это значит, что сельская община прекращает свое существование как раз с формированием аллода! Хоть М. Барада и ссылается на Энгельсову «Марку», он весьма далек от правильного понимания рассматриваемых там вопросов.

Мы не можем согласиться с выводом М. Барады об отсутствии аллода на пахотную землю в далматинской деревне. Этого нельзя сделать уже потому, что в таком случае будет начисто снят вопрос о возникновении крупного землевладения в Хорватии: станет совершенно непонятным, за счет чего формируется это землевладение, коль скоро крестьянин не обладает правом продать свою землю. Не удивительно, что в работе М. Барады феодальная собственность возникает почти исключительно за счет королевских пожалований (стр. 43). По сути дела, М. Барада остается на тех же позициях, которые он отстаивал в своем предыдущем труде «Хорватский властельский феодализм», когда рисовал процесс феодализации только в форме создания королевского землевладения⁴³. При таком решении вопроса об аллоде оказывается ликвидированной и проблема поглощения мелкого крестьянского землевладения, и проблема закрепощения крестьянства, и ряд других не менее важных вопросов. Но тезис М. Барады ошибочен не только с теоретической точки зрения. Уже О. Мандич в своем отклике на работу М. Барады привел данные, почерпнутые из Полицкого статута и говорящие о том, что племенщина активно подвергалась разделу между отдельными домохозяйствами и всегда входила в состав крестьянского надела на правах собственности⁴⁴. В доказательство О. Мандич ссылается на слова статьи 49а о «старом законе», по которому совершается раздел племенщины. Таким образом, вывод М. Барады об отсутствии собственности на пахотную землю в Далмации XV в. оказывается опровергнутым в самой югославской литературе.

На протяжении всей работы М. Барада называет крестьянское домохозяйство только «родственно-подворной общиной», большой семьей. Даже когда речь заходит о распаде этого коллектива, то и в этом случае М. Барада говорит лишь о семейных общинах, являющихся результатом этого распада (стр. 119). У читателя возникает естественный вопрос, знала ли вообще хорватская деревня индивидуальную семью, бывшую, как известно, основной семейной ячейкой классового общества? Сам автор не задается этим вопросом, но всем ходом своего исследования он отвечает на него отрицательно. Становится ясным, почему он так часто подчеркивает связь между первобытной и «родственно-подворной» общиной: он считает последнюю активной носительницей родовых отношений, возводя ее непосредственно ко временам родового строя.

Стоит отметить и несколько пренебрежительное отношение автора ко всем источникам, лежащим за пределами его сравнительно узкой источниковедческой базы, и к выводам других исследователей. Так, серьезно и глубоко обоснованный тезис О. Мандича о братстве он отводит главным образом на том основании, что понятие «братства» «создает еще ббльшую путаницу в и без того сложной терминологии эпохи» (стр. 63)(!).

⁴¹ Ф. Энгельс. Марка. В кн.: «Крестьянская война в Германии». М., 1952, стр. 118—119.

⁴² А. И. Неусыхин. Указ. соч., стр. 17, 54 и др.; А. П. Каждан. Деревня и город в Византии. . ., стр. 41.

⁴³ М. Barada. Hrvatski vlasteoski feudalizam po Vinodolskom zakonu. «Dijela JAZU», 44. Zagreb, 1952, str. 25 f.

⁴⁴ О. M a n d i ć. Prilozi pitanju seoske općine. . ., str. 183.

В наши цели не входит всесторонний критический разбор книги М. Барады. Мы не должны упускать из виду нашей основной задачи — отыскать в работах югославских исследователей те особенности сельской жизни, которые позволили бы объяснить специфику византийской общины. Характерно, что даже в работе М. Барады, основанной на столь спорных положениях, можно найти наблюдения, представляющие несомненный интерес. Таким является вывод автора о верви и вервной связи.

Правда, и этот вопрос М. Барада решает непоследовательно и путано. Так, он считает, что «вервью» называлось право на землю, субъектом которого являлись все односельчане, независимо от того, были они родственниками или нет. Никакие категории родства не представляют интереса для М. Барады; он объявляет, что мнение о кровнородственных связях, лежащих в основе верви, является глубоким заблуждением (стр. 23—26). Но назвав вервь правом всего села на землю, он, далее, не заботясь о последовательности, объявляет вервь правом лишь одного домохозяйства на пахотную землю. Он так и называет последнюю — «вервная племенная». Назвать эти построения убедительными никак нельзя. Но наряду с этими ошибочными выводами Барада высказывает одну безусловно верную мысль. Он считает, что вервная связь основывается не на кровном родстве, а на территориальной близости и является результатом р а з д е л а пахотной земли (стр. 24). И в подтверждение этой мысли автор правильно подчеркивает другое название вервных братьев — «дионики» (дольщики) (стр. 29). Вот это внимание к процессу возникновения верви из раздела общей собственности и является важной положительной стороной исследования М. Барады.

Теперь, когда столько раз в самых различных исследованиях мы обнаруживали вывод о сочетании родственных и поземельных связей в рамках «племени», «братства» и вервного коллектива, можно попытаться подвести некоторые итоги. Действительно, почти все историки, изучающие средневековую хорватскую деревню, теми или иными путями приходят к признанию в составе этой деревни общинного организма, члены которого объединены как поземельными интересами, являясь соседями или дольщиками, так и родственными — впрочем, уже достаточно ослабевшими — узами. Почти единодушно отмечается, что, как бы ни назывался этот коллектив — «братством», «племенем» или «вервными братьями», — он возникает в результате раздела общей собственности. Стоит лишь свести воедино эти сведения, как станет ясно, что здесь нужно подразумевать только один процесс — р а з д е л с е м е й н о й о б щ и н ы. Охарактеризованные выше общинные организмы и являются результатом раздела большесемейной собственности. Но тогда сразу же возникает новый вопрос: какая же коллективная связь продолжает сохраняться между разделившимися членами большой семьи? Ведь долгое время в литературе господствовало мнение о том, что малые семьи, возникшие в результате распада большой семьи, становятся совершенно независимыми друг от друга⁴⁵.

В последнее время в советской историографии была выдвинута мысль об особом пути разложения большой семьи. Когда семейная община разрастается и общее потребление становится невозможным, тогда, по мнению М. О. Косвена, внутри нее возникают семьи более узкого состава, но все же сохраняющие большесемейный характер, т. е. состоящие из нескольких брачных групп. Это дробление семейной общины может быть названо процессом «сегментации». В ходе его раздела подвергается вначале движимое имущество, земля же остается в совместном владении этой сегментированной семейной общины, возвращающей в своем составе новые большие семьи⁴⁶. В дальнейшем раздел может стать еще более глубоким, родственники окончательно превратятся в совладельцев-дольщиков. Вот эта группа родственных семей, возникших из сегментации или раздела одной семейной общины и сохраняющих хозяйственное, территориальное и идеологическое единство, и была названа М. О. Косвенom п а т р о н и м и е й⁴⁷.

Нетрудно заметить, что патронимия разительно схожа с теми общинными коллективами, характеристику которых приходилось наблюдать в работах югославских исследователей, — с раннесредневековым и паштровичским «братством», с полициким «племенем», с «вервными братьями». Более того, внутренняя организация патронимии отлично объясняет специфику всех этих общинных коллективов. Становится ясным,

⁴⁵ См., например, В. Поповић. Задруга. «Гласник земальског музеја у Босни и Херцеговини», XXIII—XXIV. Сарајево, 1922, стр. 73 и сл.

⁴⁶ М. О. Косвен. Семейная община, стр. 19. Интересный пример патронимии в глубокой древности М. О. Косвен находит в свидетельствах Цезаря, судя по которым отдельные семьи живут порознь и лишь время от времени сходятся воедино — по мысли Косвена, для передела земли (*De bello gallico*, VI, 22). См. М. О. Косвен. Патронимия у древних германцев. ИАН СССР, серия истории и философии, т. VI, № 4, 1949, стр. 356—359.

⁴⁷ М. О. Косвен. Семейная община, стр. 19; е г о ж е. Программа для собирания сведений о патронимии. КСИЭ, вып. 13, 1951, стр. 20—32.

почему «племена» в Полице, «братства» у Паштровичей и вервные коллективы в других местах Далмации занимают обособленную часть села — такова особенность патронимии у всех народов: патронимическая связь всегда дополняется топонимическим единством⁴⁸. Характерным проявлением этой патронимической особенности являлось существование небольших поселений в Северной Белоруссии, Белоруссии и на Украине, известных под названием «дворище», «печище» и «сябры»⁴⁹. Нетрудно догадаться, почему О. Мандич обратил особое внимание на способность братства в раннесредневековой Хорватии образовывать отдельные воинские группы: эта черта характеризует всякую патронимию⁵⁰. Следует признать справедливым мнение И. Божича, настаивавшего на том, что вервных братьев объединяет память о происхождении от общего предка. Эта память об общем происхождении и воплощается в патронимическом имени. Понятно также, почему, выдвигая свою мысль о превращении братств в сельские общины, О. Мандич не отрицает сохранения в них кровного родства. Он даже называет братства на раннем этапе их существования «родственно-территориальными общинами», допуская возможность в более позднее время превращения их в «риториально-родственные общины», в которых элемент соседства выступил на первый план, но родственная связь не исчезла⁵¹. Правда, заметим попутно, О. Мандич возводит источник этих родственных связей к одной определенной, и притом весьма отдаленной, эпохе — ко времени поселения славян на Балканах, в то время как источником этих связей является организм, существующий постоянно, — семейная община. Но, как бы ни объяснять их происхождение, кровнородственные связи существуют в «племенах» и «братствах», подчеркивая их близость к патронимии.

Наконец, закономерностями развития патронимии можно объяснить и особенности поземельных отношений в «братствах», «племенах» и среди «вервных братьев». Дело в том, что на раннем этапе существования патронимии семья, выделившаяся из состава семейной общины и переставшая совместно трудиться, все же сохраняют общую собственность почти на все виды земельных угодий. Выделенная в индивидуальное пользование пашня продолжает, как некогда в земледельческой общине, подвергаться периодическим переделам. Лишь впоследствии земельные наделы отдельных семей становятся аллодом, но и тогда за бывшими родственниками сохраняются пережиточные права, являющиеся следствием их некогда существовавшей общей собственности: возможность выкупа проданной земли, право предпочтения, согласие в случае продажи надела одним из дольщиков⁵². Это длительное совместное владение отдельными долями, выделенными из большесемейной собственности, превращает родственников в дольщиков и порождает множество выражений для обозначения этого понятия. Это не только «дионники» Полицкого статута (ст. 33, 58, 59а, 80а), но и *participes* далматинских грамот XI—XII вв.⁵³, и *consortes* из Истрии XII в.⁵⁴, и ряд других названий⁵⁵.

Повсеместное и частое упоминание дольщиков, обладающих правом предпочтения и выкупа, утверждающих своим согласием продажу земли, является, несомненно, результатом распространения патронимии, представленной формами «племена», «братства» и «вервных братьев».

Это распространение патронимических отношений в славянских землях на западе Балканского полуострова дает нам основание вернуться к решению вопроса, поставленного в начале этой статьи, с тем чтобы определить, какая связь существует между большесемейной собственностью в рамках византийской общины и устойчивостью этой общины. Предположительный ответ на этот вопрос, как мне кажется, теперь напрашивается уже сам собой: сплоченность и устойчивость общины на территории империи определяется сохранением сильных патронимических связей. Иными словами, односельчане здесь являлись бывшими членами разросшихся и распавшихся большесемейных коллективов, связанных, как это обычно бывает в патронимиях, множеством соседских, хозяйственных и родственных нитей. В задачу данного обзора, естественно, не может входить анализ внутренних отношений в византийской деревне под этим углом зрения. Я хотел бы сослаться лишь на одно, но весьма характерное сви-

⁴⁸ М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. М., 1957, стр. 136—137.

⁴⁹ Егोजе. Севернорусское печище, украинские сябры и белорусское дворище. СЭ, 1950, № 2, стр. 65—76.

⁵⁰ Егोजе. Программа... стр. 22.

⁵¹ О. Мандич. *Bratstvo*... стр. 274.

⁵² М. О. Косвен. Севернорусское печище... стр. 75.

⁵³ «Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae». Ed. T. Smičiklas Zagreb, 1904, № 215, p. 232—233; № 274, p. 291.

⁵⁴ C. de Franceschi. L'antica abbazia di S. Maria del Canneto in Pola e un suo registro censuario del secolo XII. «Atti e memorie della Società istriana dell' archeologia e storia patria», vol. 39. Pola, 1927, p. 330.6; 338.6; 339.7; 340.2.

⁵⁵ Например: *socii*. VI. Маžуранић. *Prinosi za pravno-povjesni rječnik* Zagreb, 1908—1922, str. 248.

детельство. Оно содержится в многократно исследовавшейся новелле 922 г., восстанавливающей право предпочтения.

Новелла отмечает, что это право (которое само по себе является типичным атрибутом патрионии) распространяется по нисходящей линии на концентрические круги односельчан. В первую очередь этим правом обладают родственники, и это доказывает, что источником права *protitilas* являются кровнородственные связи. Но еще более характерно то, что во втором круге лиц находятся «соучастники», крестьяне, владеющие сообща «одним и тем же недвижимым имуществом, хотя бы оно было потом. . . разделено на отдельные участки»⁵⁶. Здесь все — и совместная собственность на землю, и возможность раздела, не исключающего сохранения общего владения, и самое название «соучастники» (ср. *consortes, participes, «дионики»*) — свидетельствует о патрионическом характере отношений. Вот почему, на мой взгляд, совершенно прав М. Я. Сюзюмов, утверждающий, что новелла 922 г. о праве предпочтения закрепила один из пережитков родового строя, принесенного славянами на территорию империи. Отражением этих принесенных славянами родовых отношений и являются градации в системе предпочтения, которых не знала византийская действительность IV—V вв.⁵⁷

Разумеется, проблема патрионии в византийской деревне нуждается в дальнейшей разработке, здесь же она может быть только поставлена⁵⁸. Но уже сейчас, как кажется, можно говорить о том, что сравнительное исследование византийских и южнославянских аграрных порядков открывает новые интересные перспективы.

М. М. Фрейденберг

РЕЦЕНЗИИ

А. П. КАЖДАН. ДЕРЕВНЯ И ГОРОД В ВИЗАНТИИ IX—X вв.

Очерки по истории византийского феодализма. М., 1960. Изд-во АН СССР

Перед нами — большая монография автора, хорошо знакомого византинистам как Советского Союза, так и зарубежных стран. Эта монография — плод многолетних исследований автора, ряд положений которого уже известен читателям «Византийского временника»¹. Прежде чем приступить к анализу социально-экономических отношений в Византии IX—X вв. А. П. Каждан проделал колоссальную работу по изучению нарративных источников этого периода. К сожалению, эта источниковедческая работа не включена в данную монографию².

Работа А. П. Каждана посвящена внутреннему строю Византии от конца IX до конца X в. Эта эпоха, как правильно ее расценивает автор во введении, является критической в истории Византии. Внутренняя история Византии в этот период никогда не была предметом специального монографического исследования. Между тем именно эту эпоху можно назвать временем массового закабаления свободного крестьянства, что характерно для завершения процессов феодализации и начала оформления феодальных институтов, отражающих специфику византийских условий. Это была эпоха наивысшей степени влияния византийской цивилизации как на западные, так и на восточноевропейские страны. Разумеется, дать монографию по истории этой эпохи в целом — дело будущего. Работа А. П. Каждана не имеет в виду пол-

⁵⁶ Цит. по: «Сборник документов по социально-экономической истории Византии». М., 1951, стр. 156.

⁵⁷ М. Я. Сюзюмов. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии. ВВ, VII, 1960, стр. 13, прим. 27.

⁵⁸ О патрионии в хорватской деревне в форме коллектива «вервных братьев» см. М. М. Фрейденберг. «Вервь» в средневековой Хорватии. «УЗ Великолуцкого пед. института», вып. 15, 1961, стр. 27—47.

¹ См. статьи А. П. Каждана: «Цехи и государственные мастерские в Константинополе в IX—X вв.» (ВВ, VI, 1953); «Социальный состав населения византийских городов в IX—X вв.» (ВВ, VIII, 1956); «К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—X вв.» (ВВ, X, 1956); «Формирование феодального поместья в Византии X в.» (ВВ, XI, 1956); «Василики как исторический источник» (ВВ, XIV, 1958); «Еще раз об аграрных отношениях в Византии IV—XI вв. (по поводу работы П. Лемерля)» (ВВ, XVI, 1959).

² Частично работа над источниками опубликована: см. «Хроника Симеона Логофета» (ВВ, XV, 1959); «Две византийские хроники X века». Изд-во Восточной литературы. М., 1959 (перевод жизнеописания патриарха Евфимия с подробными комментариями и обстоятельной вводной статьей).